

ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЕ

С каких же пор мы ее знаем? Предвижу, какими разными будут ответы. Моряки Балтфлота вспоминают юную Люсю Макарову, в канун Великой Отечественной войны окончившую студию Большого драматического театра и выступавшую перед ними в грозные дни войны в спектаклях и концертах коллектива Театра Балтийского флота, где актриса служила (не работала, а именно служила) до 1945 года.

Зрители первых послевоенных лет вспоминают Людмилу Макарову — Клариче в «Слуге двух господ» К. Гольдони, Снегурочку из драмы А. Н. Островского. Вспомнят в первых ролях, сыгранных актрисой на сцене родного ей Большого драматического театра, куда вернулась она, имея немалый уже опыт театрально-фронтальной службы.

Зрители голов семидесятых вспоминают Хануму, Гизу, Анну Андреевну — недавние создания великолепного мастера сцены Людмилы Иосифовны Макаровой.

...Она — разная в разные годы. Но всегда верна двум, если так можно сказать, составным, определяющим ее творчество: верности Большому драматическому, традициям его и новаторству и верности самой себе как человеку, как актрисе.

В жизни — откровенная, всегда предельно требовательная к себе и к товарищам, жизнерадостная, в работе — художник беспрестанно ищущий, неуспокаивающийся. Такой Людмила Иосифовна остается и сегодня. Жизнеутверждающие начала ее характера проявляются чуть ли не в каждом ее поступке, связан ли он с распределением ролей, с утверждением пьесы художественным советом, с практическими вопросами жизни театра, обсуждаемыми на партийном собрании, с другими проблемами, прямого касательства к творчеству не имеющими.

Жизнеутверждение. Вспоминать о таких ролях Макаровой, как Катя в «Пяти вечерах» А. Володина, Анечка в «Океане» А. Штейна, другого слова для определения мы не найдем. Активная, деловитая Катя, незаметная почтовая работница, разговаривающая на, как можно сейчас говорить, сленге пятидесятых годов. Образ, насыщенный теплыми лирико-юмористическими красками, но не лишенный и драматизма, стал заметным событием в творчестве актрисы. Душевной своей распахнутостью, щедростью, оптимизмом, верностью и верой отличались и каждый раз поражали и поражают нас многие работы Макаровой.

Не эти ли же черты характерны и для героини Макаровой в лирической комедии В. Коростылева «Верю в тебя»? Спектакль этот, красивый, как хорошая журнальная обложка или в эффектную обертку завернутая вкусная конфета (да простятся такие сравнения, но они, как кажется, наиболее точно выражают не только внешний облик, но и замысел пьесы), не вошел в золотой фонд театра, но в памяти тех, кто видел его, остался. И вот по какой причине. Современный вариант истории Золушки режиссура предложила воплотить молодым тогда Людмиле Макаровой. Кириллу Лаврову и Сергею Юрскому. Ироничное, полуфантастическое повествование драматурга актеры наполнили реальным жизненным и психологическим содержанием, до филигранности отрабатывая каждую сцену, каждое перевоплощение. И душой спектакля являлся не добрый волшебник, которого со свойственным ему обаянием играл К. Лавров, а героиня Макаровой. В первой части спектакля — усталая от забот и хлопот по работе, по дому — она пробовала держаться в тени основного дей-

ствия, но насыщенностью своего существования уже властно приковывала наше внимание. Во второй же половине постановки, как и в давней сказке, героиня Макаровой становилась подлинной «царицей бала». Менялись не только костюм, прическа, пластика — менялось душевное состояние, менялось не радикально, а исподволь — с каждой сценой, каждой фразой освобождалась она от суесть, насущалась ее душа невидимыми токами радости, счастья.

А потом была Анечка в «Океане». И лиризм, то счастливые, то грустные мгновения ее преобразования, что были свойственны героине предыдущего спектакля, обогатились в этой роли актрисы новыми красками, более щемящими и более щедрыми. Те, кто видел «Океан» в Большом драматическом театре, вряд ли забудут Анечку — человека любящего и страдающего, в чем-то наивного, но мудрого той великой мудростью матерей и жен, что всю свою жизнь отдают себя и любимой работе, и любимой

Штрихи к творческому портрету

семье. На наших глазах из немудреной петергофской девишки, которой неожиданно улыбнулось счастье выйти замуж за молодого лейтенанта, рождался человек сильный духом, душевно щедрый. Иные рецензенты упрекали тогда спектакль в том, что слишком затянута сцена Анечки с Платоновым, словно не замечая, что именно в этой сцене нам позволено было соприкоснуться с интересным человеческим характером, что театр со свойственной ему глубиной и многогранностью раскрывал нам новый аспект своего повествования: за регламентированностью устоев морской жизни вводилась нота лирическая, исповедальная. И вела ее Людмила Макарова.

Новыми гранями мастерства актрисы высветился в Анечке тот прозрачный лиризм, что отличал ее Снегурочку. И он будет еще отличать вместе с грустными и горькими нотами затаенной, несостоявшейся любви героиню Макаровой в «Традиционном сборе» В. Розова. Так что же, один и те же краски, ноты? В принципе — да. Только от роли к роли, словно по спирали, обретают они все большую гамму тонов, обертонов.

Когда появился «Океан», в репертуаре театра уже не было спектакля «Когда цветет акация», где Макарова играла роль Ведущей. Роль, которая вроде бы прошла по касательной к основному ее творчеству, но не вспомнить которую нельзя. Очаровательно-озорная ее героиня вместе со своим партнером Ефимом. Капеляном на редкость раскованно и свободно чувствовала и вела себя в этой комедии о жизни студентов. Они на самом деле были полными хозяевами этого театрального действия, их искрометный юмор и темперамент во многом обусловили его успех. Роль Ведущей открыла нам Макарову с незнакомой до тех пор стороны — уметь быть хозяйкой спектакля, быть в содружестве с режиссером, с его волей, задачами, и все-таки — хозяйкой. Мы еще встретимся с этим даром Макаровой, а пока вспомним, что до «Когда цветет акация», до «Пяти вечеров» с удивительной точностью воплощения национального характера сыграла она Жермен в трагикомедии А. Жерри «Шестой этаж» — как причудливо сочетались там юмор и горечь, лирика и драматизм и была еще жизнелюбная ис-

кривость, стойкость.

А через шестнадцать лет мы увидим одно из самых замечательных созданий Макаровой — ее Хануму. Можно говорить об огромном профессиональном опыте актрисы, о богатстве ее жизненных наблюдений, о фантазии и воображении, об удивительной верности национальному складу воплощаемого характера — и все это будет верно. Но как передать на бумаге то зажигательное начало, которое вносит в этот мудрый, то шуточный, то грустный, то откровенно бурлескный, то замедленно-протяжный спектакль сама Ханума? А как описать ее поединки с Кабатом — Валентиной Ковель, фейерверки ее диалогов с князем Пантиашвили — Владиславом Стрельчиком, блистательное не только по актерской технике, но и по огромному заряду юмора, сарказма перевоплощение Ханумы в образ Соны, дочери купца Котрянца? Нет, это надо видеть и вновь убедиться в том, сколь широкий творческий диапазон Людмилы Макаровой.

Вроде бы к раскрытию элементарных понятий стремится она в своих ролях, вновь выясняя вековые вопросы — что есть добро и зло, искренность и лицемерие, гордость и чванство. Полярные эти понятия актриса воплощает неолнозначно, в ее палитре нет лишь белой и черной краски. Как умелый художник, она смешивает в своих ролях краски самые разные, стремясь придать воплощаемым образам многоцветие и многогранность.

Органичное чувство времени, чуткое понимание драматургической основы, умение быть верной замыслу как автора, так и постановщика отчетливо проявились в работах Макаровой над образами Лизы, Елены, Наташи, Марии Андреевны в пьесах А. Грибоедова, М. Горького, А. Чехова.

Озорная и жизнестойчивая Лиза, более подруга, добрый советчик и критик Софьи, чем прислуга, в «Горе от ума»; ириная, обольстительная, добрая и язвительная, независимая по характеру своему Елена в «Мещанах» — эти роли не были основными, но, не будь в спектаклях участия Макаровой, не достало бы в них каких-то определенных красок, исчезла бы, вероятно, та живительная сила, что привнесла она в эти постановки.

Кто знает, не встретилась она сначала с этими жизнерадостными, жизнеутверждающими образами, сумела ли бы с такой яркостью, таким человеческим неприятием сыграть Наташу в чеховских «Трех сестрах». Если сначала она появлялась перед нами милой, симпатичной, застенчивой девушкой, то, войдя спокойно и деловито в дом Прозоровых, Наташа Макаровой резко менялась. Все более раздражительными и требовательными становятся ее интонации, пластика все больше напоминает движения раздраженной кошки. Стараясь соблюдать определенное время нейтралитет с сестрами, она не выдерживает, срывается на почти базарный скандал. И центральной становилась в роли сцена пожара: бедствие города для Наташи не стало ни горем, ни бедой — лишь недовольством, что нарушается установленный ею в доме порядок, возникает угроза ее покою.

Сколь раздраженно, пренебрежительно звучали вроде бы между прочим сказанные (нельзя уж так прямо обидеть сестер, заявить о своем хозяйствовании) слова Наташи: «У нас так много народу везде, куда ни пойдешь, полон дом. Теперь в городе инфлюэнца, брьюсь, как бы не захватили дети».

Наташа в исполнении Макаровой утверждалась в жизни агрессивно, плотно, вездесуще.

Актриса же словно наизнанку вывернула в этом образе доброе слово «жизнеутверждение», заставив нас, точнее, предложив нам поразмыслить о самой сути самоуверждения в жизни, о том, какими средствами ты его достигаешь, какими дорогами к нему идешь.

Резкое неприятие, отрицание такого вот «самоутверждения», стремления к благодати, но уже в ключе откровенно сатирическом, острогрозотском, прозвучит и в образе Анны Андреевны из голговетского «Ревизора». С иронией и сарказмом играет Макарова стихию ее влюбленности в Хлестакова, изображает мечты о столичной жизни.

Но вспомним еще раз о жизнеутверждении, наиболее, на наш взгляд, характерном качестве таланта Макаровой. Вот она играет Гизу, даму весьма преклонных лет, в «Косках-мышках» И. Эреня. Играет с грустью и горечью, с сердечной болью: судьба сложилась не так, как могла бы, от родины живет вдалеке. (Добавим, что спектакль илет на Малой сцене, где особенно заметны малейшая неточность во взгляде, улыбке, движении, к примеру). Вместе с Зинаидой Шарко — Эркин макаровская Гиза создает, не побоюсь этого громкого слова, уникальные в своем роде дуэты, в котором и филигранность мастерства, и тончайшая нюансировка просто пленяют зал. За грустью этих диалогов — вера в жизнь, в возможное, казалось бы, счастье. Признаюсь, вспоминалась на спектакле классическая строка: «Печаль моя светла».

На Малой сцене создана и последняя по времени работа Макаровой — Беатрис в спектакле «Влияние гамма-лучей на бледно-желтые ноготки» по пьесе П. Зиндела. Мать двух дочерей, не очень-то устроенная в обществе, страдающая в какой-то мере комплексом неполноценности, то агрессивная, то робкая — такова героиня Макаровой. И та экзальтация, которая впервые, пожалуй, являлась в творчестве актрисы, усугубляет и вместе с тем углубляет этот драматический рассказ о жизни американского общества. Ее Беатрис может быть и рыночно-скандальной, и нежной, заботливой и насмехающейся над чужим несчастьем. Горький образ создала здесь Макарова. Ее лирико-драматическое дарование раскрылось новыми чертами.

...Вроде бы много сыграно ролей, и, отметим, сыграно успешно. Все ли из желанного сыграно? Разумеется, как и у любого актера, нет. Истово верная театру, Макарова отказывается от съемок в кинематографе, на телевидении, лишь изредка выступает на эстраде, и то, как правило, в творческих вечерах театра.

И на репетициях, и в самостоятельной работе над ролями актриса всегда ищет ответ на сакраментальный вопрос — почему? Почему случилось так, а не иначе, почему ее героиня повела себя именно так. Ищет дотошно, скрупулезно, стремясь дойти до самой сути. И, как правило, находит — оттого так жизненно точны, узнаваемы ее героини, в каких бы веках и странах они ни существовали. Потому и так сильно звучит жизнеутверждающее начало в создаваемых Людмилой Макаровой образах.

Не так часто доводится встретить актера, вся жизнь которого была бы связана раз и навсегда с одним театром. Макарова из их числа. В этой преданности театру, его коллективу, его главному режиссеру Г. А. Товстоногову — один из секретов успеха — только что удостоенной звания народной артистки СССР Людмилы Иосифовны Макаровой, один из секретов счастливой ее сценической судьбы.

Ю. КРАСНОВ